

Современную художественную культуру нельзя представить вне широких и плодотворных взаимосвязей ее творцов. Прогрессивные мастера культуры разных стран и континентов объединяются вокруг защиты идеалов мира и справедливости, гуманизма и подлинной демократии, творчества и социального прогресса.

Сегодня «ЛГ» открывает новую рубрику «Диалог в мастерской писателя», где будут публиковаться материалы о встречах и беседах видных писателей наших дней. Рубрику начинает диалог бельгийского писателя Жоржа Сименона и советского прозаика Юлиана Семенова.

Юлиан СЕМЕНОВ. Мы в Советском Союзе были огорчены, когда вы распрощались с комиссаром Мегрэ.

Жорж СИМЕНОН. В прошлом году я отметил 50-летие первой книги о Мегрэ. Когда мне было 26 лет, я оборудовал в голландском городке Делфэйле маленькую яхту под рабочий кабинет, сел за стол и, не останавливаясь, написал первую повесть о комиссаре, никак не предполагая, естественно, что Мегрэ сделается столь знаменитым.

Ю. С. Когда вы писали первую повесть о нем, вы уже видели лицо Мегрэ, его походку, знали привычки, манеру одеваться, метод его мышления или все это в полной мере пришло позже, когда комиссар прямо-таки ворвался на телевидение и в кинематограф?

Ж. С. Вообще-то я стараюсь не смотреть ни ТВ, ни кино, особенно фильмы, сделанные по моим книгам... Но в первой повести Мегрэ написан, как мне сейчас кажется, недостаточно четко. Он был еще персонажем, а не героем. На своей маленькой яхте я писал комиссара Мегрэ как бы отстраненно, хотя до этого уже опубликовал несколько книг. Однако, чтобы заработать на хлеб насущный, я стал репортером полицейской хроники, и первая вещь о Мегрэ, которая называлась «Питер-латыш», была написана слишком уж аккуратно. В следующих книгах о Мегрэ я уже чувствовал себя по-иному, отдавая ему свои мысли, слова, а он постепенно от книги к книге начал открываться мне.

Ю. С. Тем более жаль, что вы прекратили этот цикл.

Ж. С. Как коллега, вы должны меня понять. Я перестал различать, где Мегрэ, а где Сименон.

е историческими архивами, е документами.

Ж. С. А я заранее готовлю имена будущих героев, фамилии их жен, знакомых, любовниц, детей, данные на всех родственников, даже самых дальних. Обязательно заранее собираю адреса, номера телефонов... Через день после окончания работы роман кажется мне чудовищным, представля-

совсем не тот человек, который, побрившись, позавтракав и надев пальто, выйдет из дома и предстанет перед окружающими. Поэтому и Мегрэ интересует именно тот, «голый», то есть истинный человек. Понять истинного человека — значит понять и его, и те обстоятельства, которые толкают его на преступление. Мегрэ убежден, что человек

мой род пошел не от наполеоновского солдата, а от русского солдата Семенова, который преследовал французов, а потом стоял с гарнизоном в моем родном Льеже. С годами Семенов преобразился в Сименона. Так я считал довольно долгое время... Но потом один профессор филологии, который занимается исследованием моего творчества, провел архивные изыскания и установил, что мой род пошел с 1580 года. Мои предки — лимбургские батраки, гнувшие спину на хозяев, не имевшие своей земли. Поэтому фамилия не могла широко распространиться: много детей заводили те, у кого был кров над головой, а мои предки были нищими. Кстати, кем вы хотели стать в юности?

Ю. С. Востоковедом, историком. А вы?

Ж. С. Врачом. Правда, врачом особым. Я мечтал сделать целителем людских судеб. Я хотел научиться великому искусству доброты: видя, как человек делает неверный шаг, помочь ему избежать катастрофы. Мегрэ довольно часто освобождают из тюрьмы даже тех, чья вина не доказана... Он считает их не преступниками по натуре, а жертвами общества.

Ю. С. Кого из представителей различных школ французской литературы прошлого вы чаще всего перечитываете?

Ж. С. Вопрос сложный. Необъятный вопрос. Поэтому ограничусь парадоксом: чаще всего я перечитываю «Дневники» нелюбимых мною братьев Гонкуров. Они относятся к чуждой мне «элегантной» школе литературы. Я и сам когда-то следовал этой школе, писал элегантно-поверхностные произведения. Однако «Дневники» Гонкуров чрезвычайно интересны, так как содержат массу соображений о профессии литератора и процессе творчества. Когда я сам начал писать серьезно, то вообще переключился на чтение дневников и мемуаров. Например, из всего Достоевского наибольшее впечатление произвел на меня «Дневник писателя». Не надо стесняться обнажать свою манеру мышления, работы и поведения. Кстати, вы пишете свои книги от руки?

Ю. С. Только на машинке. А вы?

Ж. С. Тоже. Машинка диктует свой ритм. Она — современна.

Ю. С. Вы правы, машинка — штука рациональная, дитя научно-технической революции: волей-неволей прочитываешь написанную страницу, прежде чем положить ее в папку или выбросить в корзину для мусора.

Ж. С. Пишу, вернее, писал свои повести о Мегрэ... за неделю или дней за одиннадцать. Чудовищно трудно влезть в шкуру другого человека. Это значит пережить еще одну жизнь, ограниченную временем и пространством — твоим кабинетом. Каждый день, когда я заканчивал дневную часть нового романа, я должен был менять одежду — она была мокрой от пота. Работа писателя подобна тяжкому физическому труду... Ремесленник, конечно же, пахнет хорошим мужским одеколоном и находит время каждый день обедать в дорогом ресторане. Я же, когда писал романы, терял ежедневно до килограмма веса. Вот так-то, дорогой мой Юлиан... Сименон.

Ю. С. Дорогой Жорж Семенов, спасибо вам за этот вечер.

Ж. С. Я желаю вам всяческого добра. Мне очень дорого, что в Советском Союзе у комиссара Мегрэ есть много друзей. Я признателен советским переводчикам и издателям за их внимание к моей работе, а режиссерам и актерам — за их талантливую и вдохновенную точность. Разрешите мне поздравить всех советских читателей с Новым годом и пожелать им самого большого счастья.

Беседу записал В. АНТОНОВ, собственный корреспондент ТАСС в Швейцарии — специально для «ЛГ»

Диалог в мастерской писателя

Ю. С. Согласны ли вы с тем, что на актера ложится немалая ответственность, когда он дает литературному герою вторую жизнь?

Ж. С. Да, безусловно.

Ю. С. Мне кажется, что лучше всех вас, то есть Мегрэ, понял великий актер Жан Габен.

Ж. С. Габен понял его очень хорошо, но был и Пьер Ренуар, который сыграл Мегрэ первым. Должен сказать, что русский актер Борис Тенин сделал Мегрэ именно таким, каким его хотелось видеть мне самому. Англичанин Руперт Дэвис монополизировал Мегрэ в странах английского языка: он снялся в 52-серийном фильме о комиссаре... Но вы правы, Габен все-таки был лучшим...

Ю. С. Расскажите о вашем методе работы над романом. Как вы начинаете, с чего?

Ж. С. Вообще-то, когда я сажусь за роман, я толком не знаю, что в нем произойдет, чем он кончится. Я импровизирую каждый день. Я не столько создатель событий, сколько их «сопереживатель». Даже подходя к последней главе, я толком не знаю, кто истинный преступник и каковы мотивы его преступления. Поэтому последняя глава бывает для меня особенно трудной и напряженной.

Ю. С. Вы садитесь за чистый лист бумаги без всякого предварительного плана будущей книги?

Ж. С. Да, а вы?

Ю. С. То же самое. Только я предварительно много работаю

ется полнейшим провалом. Неделю спустя я перечитываю рукопись, чтобы внести правку, — впрочем, я вношу очень мало правки, стараясь писать начисто, — и роман кажется мне уже не столь ужасным, не хуже других.

Ю. С. Как вы относитесь к Хемингуэю?

Ж. С. Хемингуэй остается для меня одним из самых любимых писателей. Особое впечатление на меня произвели его слова: «Пишу только то, что чувствую». Мне приятно, что он читал мои книги... Я был в том городке, где он погиб, зашел в библиотеку и мне показали формуляр читателя Хемингуэя. В списке взятых им в библиотеку книг есть и мои.

Ю. С. Я видел ваши романы в библиотеке Хемингуэя в Гаване, а там собраны его любимые книги... В какой мере на ваше становление повлияла русская литература?

Ж. С. С русской литературой я познакомился раньше, чем с французской. Перед началом первой мировой войны моя мать сдавала в Льеже комнаты русским студентам. Юноши были не из богатых семей, поэтому учились в Льежском университете, — это было значительно дешевле, чем в Париже. Они-то и пристрастили меня к русской литературе, приче начал я — и это прекрасно! — с Пушкина. Однако наибольшее влияние оказал на меня Гоголь. Мне кажется, это самый великий писатель. А повесть Максима Горького «Мать» побудила меня после смерти моей матери написать книгу «Письма к матери». Она посвящена ей, к ней и обращена... Из общения с русской прозой я вынес главное: стремление понять человека, а, поняв его, лучше познать самого себя. Ведь именно этим отличались Гоголь, Толстой, Чехов, Горький. Я пытаюсь следовать русским писателям: иду от познания своих героев к познанию самого себя.

Ю. С. Мне очень дорого, что первым русским писателем, с которым вы познакомились, был Пушкин. Для меня Пушкин — явление совершенно поразительное, исчерпать его, понять до конца невозможно, как всякого истинного гения... Мне кажется, что гения определяет не столько национальное начало, сколько его общественная значимость.

Ж. С. И умение понять человека среди ему подобных... В каждом человеке уживаются двое: один — «голый», другой — «одетый». «Голой» — значит истинный, тот, кем он является в своей сути, в своей моральной обнаженности. «Одетый» человек — это образ, «желание казаться», некая легенда человека о себе самом, это — неправда. Меня интересует человек «голый», интересует правда... Мне кажется, что, когда по утрам мы бреемся и при этом смотрим на свою физиономию в зеркало, нам видится

совершает преступление не по своей воле, зачастую виноваты общество, обстоятельства, которые превращают человека в преступника. Мегрэ скорее жалеет преступника, чем ненавидит его, ибо комиссар понимает истоки преступления.

В моей библиотеке есть Уголовный кодекс РСФСР. Наиболее примечательно то, что ваше право более мягко по отношению к уголовным преступникам, чем право Запада, пожалуй, даже мягче, чем кодексы всего мира. В то же время — и это справедливо — ваш Уголовный кодекс весьма строг по отношению к тем преступлениям, которые совершаются против общества.

Ю. С. Вы считаете, что уголовные кодексы Запада, прежде всего защищающие частную собственность, весьма жестоки к тем, кто на нее покушается?

Ж. С. Именно так.

Ю. С. Вы бывали в Советском Союзе?

Ж. С. Дважды. Первый раз я совершил путешествие на пароходе пятьдесят лет назад, через год после выхода первой книги о Мегрэ. Я побывал в Одессе, Новороссийске, Ялте, Батуми. Второй раз, уже с детьми и внуками, я повторил этот маршрут в 1964 году... А теперь расскажите мне, коллега, как у вас в стране обстоят дела с тем жанром, которому мы служим?

Ю. С. В последние годы отношение к жанру изменилось. Серьезность пришла на место снисходительности, хотя, признаться, кое-кто еще сохранил отношение к детективному жанру как вторичному, не стоящему на магистральных путях развития литературы.

Ж. С. Это из-за некомпетентности. Компетентный человек никогда так не скажет. Ибо он наверняка знаком с классикой и помнит греческие трагедии. А там человек раскрывался в критической ситуации, в момент какого-то резкого перелома. Детективный жанр — то же самое. Мы исследуем героя именно в критический момент, мы подобны врачам, которым необходимо вмешаться скальпелем в болезнь и обнажить ее сущность... Впрочем, увы, далеко не все писатели поступают так. Часто и в нашем жанре смешиваются два понятия: «писатель» и «литературный ремесленник».

Ю. С. Помните великого русского мастера: «Писатель это тот, кто не может не писать»?

Ж. С. Мы с вами думаем одинаково... Я где-то читал в нашей прессе, что Семенов и Сименон — родственники. Мой дед рассказывал, что наш род произошел от солдата, отступавшего с Наполеоном из России.

Но я не мог найти в Европе других Семеновых и поэтому высказал предположение, что